Глава 1382: Шипы трёх трактатов

Попугай как-то упоминал, что после культивации трёх каноничных трактатов мира Горы и Моря человек мог стать дойеном. Мэн Хао не раз задавался вопросом о могуществе дойенов, поскольку сам никогда с ними не встречался. По легенде… они являлись фигурами, находящимися выше лордов Гор и Морей.

Появление в этом сражении парагона с 8 эссенциями позволило Мэн Хао наконец узреть могущество трёх великих дойенов. Их окружали ауры… верховных владык! Дойены по своей силе равнялись верховным владыкам!

Что интересно, Мэн Хао не мог не заметить странные эманации, исходящие от троицы. Но к моменту его появления на поле брани три дойена уже находились в процессе запечатывания женщины парагона. К тому же он сам оказался вовлечён в смертельное противостояние, что не дало ему достаточно времени их изучить. И всё же глубоко внутри его терзали смутные сомнения. Он точно помнил, как попугай упомянул про дойена трактата Великого Духа и дойена трактата Дао Божества, но ни слова тогда не сказал про дойена… трактата Отсечения Небес!

Сейчас же присутствовали все три, правда дойен Отсечения Небес явно был слабейшим из них. Похоже, он уже умер от истощения. Его гибель ослабила печать, сподвигнув парагона с 8 эссенциями на новую попытку вырваться из заточения. Мэн Хао не придал особого значения тому разговору с попугаем, но сейчас, по крайней мере, мог воочию узреть… могущество дойенов!

Ещё не успело растаять эхо слов парагона, а она уже коснулась печати. В следующий миг треугольник начал рассыпаться на части. Вполне ожидаемо пространство вокруг неё погрузилось в хаос. Сила, скрытая в раскалывающейся печати, заставила множество нитей, держащих парагона, завибрировать. С распадом печати эти нити тоже начали одна за другой исчезать. Область дойена Отсечения Небес первой лишилась всех нитей. Следующими стали области под управлением двух других до предела измученных дойенов. Трое учеников позади своих наставников больше напоминали трупы, чем живых людей.

Пока печать с треском распадалась, парагон готовилась вернуться в мир. Как только это произойдёт, она своей культивацией 8 эссенций быстро закончит это сражение, ведь у защитников не осталось того, кто бы мог ей противостоять. Мир Горы и Моря не доживёт до того, чтобы увидеть приход мира Бессмертного Бога и мира Дьявола. Их собственный мир будет уничтожен вместе со всеми населяющими его людьми.

Внезапно дойен Великого Духа открыл глаза. Из них брызнул загадочный свет. Ученик позади него тоже открыл глаза. Выглядел он спокойно и умиротворённо, словно наступил момент, к которому он готовился всю жизнь.

— Вэй’эр, — сказал дойен, — ты согласился стать моим учеником в семь лет. За годы проведённые вместе… я относился к тебе не так хорошо, как следовало бы.

— Наставник, я ни о чём не сожалею, — ответил полуживой молодой человек. — Если после этой жизни действительно существует другая, я надеюсь, что и там смогу называть вас наставником.

Внезапно он рассыпался на части, словно песок, без малейших колебаний превратив всю свою жизненную силу и даже душу в безграничную силу трактата, которая растворилась в его наставнике, дойене Великого Духа. В этот момент плоть и кровь дойена вновь налились силой,

а его глаза ярко засияли. Он быстро вернулся на пик формы и также быстро опять начал усыхать. Вся его ци, кровь, душа и сила культивации – всё его естество стало фокусироваться на лбу.

С хрустом изо лба вырвался шип цвета крови в окружении целого роя магических символов. Это был трактат Великого Духа. Костяной шип представлял собой амальгаму всего того, чем пожертвовали наставник и ученик… шип Великого Духа!

С появлением шипа дойен Великого Духа навеки сомкнул очи. Он спокойно отдался в объятия смерти, хотя и чувствовал некоторое сожаление и вину… Ни мир Горы и Моря, ни его ученик не станут корить его, но он чувствовал сожаление за ту отстранённость, с которой относился к своему ученику.

— Если есть жизнь после смерти… — полушёпотом произнёс он.

Шип Великого Духа, сотворённый дойеном и его учеником, с неописуемой скоростью ударил в парагона. Впервые с начала своего заключения она поменялась в лице. В результате распада печати начавшийся хаос полностью подавил её силу. В рамках треугольной печати ей просто некуда было бежать от жутковатого шипа! Судя по всему, запечатывание оказалось лишь одним из аспектов расставленной против неё ловушки. Истинный план должен был начаться после раскола печати. И он требовал от трёх дойенов… самопожертвования!

Шип мощным ударом вонзился парагону в область сердца. Как только из её горла вырвался леденящий душу крик, дойен Дао Божества открыл глаза. Он тяжело вздохнул, но ученик позади беззаботно рассмеялся.

— Наставник, ни о чём не сожалейте. Будучи хранителем трактата, я всегда знал, чем всё в итоге закончится. Я уже давно приготовил себя к неизбежному. Наставник, вы подарили мне жизнь. Я лишь сожалею, что больше не смогу о вас заботиться. Позвольте мне уйти первому…

Ученик взорвался, превратившись в мириады символов трактата, которые устремились к дойену Дао Божества. Его тело мгновенно исцелилось. Тихо вздохнув, он кивнул и без колебаний сосредоточил всю ци, кровь, жизненную силу, душу и естество у себя на лбу.

С хрустом оттуда вылетел… шип Дао Божества! Шип хранил в себе безграничное божественное сознание, под влиянием которого задрожало Небо и Земля. Звёздное небо потускнело, в то время как шип со свистом устремился к парагону. Сначала её пригвоздили к месту запечатывающей меткой, потом она не смогла увернуться от шипа Великого Духа. И теперь с шипом груди… как она могла уклониться от удара шипа Дао Божества?! Шип вонзился ей в лоб, прямо в мозг!

Утробно взвыв, она задрожала. Сумев вырваться из запечатывающего треугольника, она отступила назад, а потом раскрутила культивацию до максимума в попытке изгнать оба шипа из тела. Но тут совсем исхудавший дойен Отсечения Небес внезапно открыл глаза. Он всё ещё был жив! Было в его глазах нечто странное, словно он перестал быть дойеном Отсечения Небес и стал кем-то другим!

При виде бегущей женщины парагона он вздохнул. Исхудавший юноша у него за спиной рассыпался снопом магических символов, которые растворились в дойене Отсечения Небес. Юноша перед смертью ничего не сказал, но его глаза сияли решимостью, в них начисто отсутствовало колебание. Дойен Отсечения Небес вобрал в себя символы со звуком похожим на резкий вдох. В то же время аура старика стала ещё причудливее. Создавалось впечатление, будто его культивация повышалась, на фоне чего странность его ауры стала ещё заметнее.

— Я… не настоящий дойен Отсечения Небес! — тихо сказал он, словно бы дав волю далёким воспоминаниям.

Старик повернул голову в сторону Девятой Горы и Моря, потом с грустью взглянул на людей клана Фан и на Мэн Хао. В его взгляде смешались нежелание расставаться и глубокая печаль с тоской. Он посмотрел на Мэн Хао с такой же любовью, как родители смотрят на своих потомков.

— Хао’эр, ты так вырос… — прошептал он.

По непонятной причине сердце Мэн Хао пропустило удар, когда он посмотрел в глаза дойену Отсечения Небес. Его затрясло, дыхание сбилось… внутри него поднималось до боли знакомое чувство.

— Это…

Он застыл словно громом поражённый. Ничто в лице этого человека не выглядело знакомым, но, когда взгляд добрался до его воспоминаний, перед мысленным взором Мэн Хао внезапно предстали картины из далёкого детства. Он вспомнил старика, держащего его на руках. У него были точно такие же глаза.

— Дедушка Фан! — закричал он.

В этот момент все в клане Фан почувствовали на себе взгляд дойена Отсечения Небес. По их лицам промелькнули неверие и шок. Внезапно лицо старика изменилось. Теперь в чертах его лица без труда угадывались Фан Сюфэн и Мэн Хао. Его суровое лицо излучало угрозу, даже когда он был абсолютно спокоен.

Стариком оказался дедушка Мэн Хао, отец Фан Сюфэна, прошлый главный старейшина клана Фан, человек, прославившийся своим скрытым талантом и силой постижения. Его звали… Фан Хэхай!

Много лет назад он и дедушка Мэн Хао по материнской линии отправились на поиски Чужака в надежде, что тот поможет спасти Мэн Хао. Чужак действительно пришёл, но дедушки так и не вернулись. Только побывав на Восьмой Горе и Море, Мэн Хао выяснил, что дедушка Мэн стал лордом Восьмой Горы и Моря. С тех пор ему не давала покоя мысль… о судьбе дедушки Фана. Дедушка Мэн тогда сказал, что он находился не в их мире.

На основании этого Мэн Хао предположил, что дедушка Фан… вполне мог скрываться где-то на 33 Небесах. Но при виде лица дойена Отсечения Небес он сразу признал в нём человека… из своих воспоминаний. Своего дедушку Фана!

"Но почему дедушка Мэн, сказал, что он не в нашем мире?" — сразу же спросил себя он.

Дойен Отсечения Небес, Фан Хэхай, отвернулся. Преисполненный свирепой решимости, он взглянул на парагона с 8 эссенциями. В этот же миг его лоб взорвался.

— Шип… Отсечение Небес!